

ской флорамы проходит западнѣе, чѣмъ это слѣлалъ Регель; приближенно она проходитъ въ изслѣдованномъ уѣздѣ черезъ Сегозеро и даже западнѣе, но вполне точно пока еще установить ее не удалось. — Будемъ однако надѣяться, что изысканія русскихъ изслѣдователей съ одной стороны, а финляндскихъ (Cajander) съ другой, въ недалекомъ будущемъ выяснятъ этотъ вопросъ окончательно.

Въ числѣ 160 „важнѣйшихъ“ растений (тайно- и явно-брачныхъ), приведенныхъ авторомъ въ спискѣ, со всѣми точными датами, слѣдующіе 28 видовъ указываются впервые для Олонецкой губерніи: *Ranunculus borealis* Trautv., *Actaea erythrocarpa* Ledb. (*A. spicata* v. *erythrocarpa* Ledb.), *Sisymbrium arenosum* L., *Lychnis apetala* L., *Rubus castoreus* Laest. (вѣроятно, *R. arcticus* × *R. saxatilis*), *Epilobium collinum* Gm. f. *umbrosa*, *E. alsinefolium* Vill., *E. alsinefolium* × *palustre*, *Chaerophyllum umbosum* L., *Hieracium Zizianum* Tausch, *Euphrasia curta* Fries var. *glabrescens* Wett., *E. brevifolia* Bur. et Gremli, *E. minima* Jacq., *Pinguicula villosa* L., *Mentha verticillata* L. var. *acutifolia* (?) Sm., *Betula alpestris* Fr. (*B. nana* × *pubescens*), *Potamogeton nitens* Wel. f. *angustifolia*, *Juncus alpinus* × *lamprocarpus*, *J. inundatus* Drejer, *Heleocharis ovata* R. Br., *Carex glareosa* Wahlb., *C. alpina* Sw., *Carex rigida* Good., *Cinna suaveolens* Rupr., *Lycopodium inundatum* L., *Botrychium rutaefolium* A. Br., *Aspidium aculeatum* Sw. и *Asplenium alpestre* Mett.

Многія растения провѣрялъ и опредѣлялъ А. Н. Петуниковъ. *Epilobium*'ы — Гаускнехтъ. Въ концѣ приводятся карельскія названія нѣкоторыхъ растений. П. Мищенко (Юрьевъ).

Суначевъ, В. Очеркъ растительности юго-восточной части Курской губерніи. — Отд. оттискъ изъ IX вып. Извѣстій Спб. Лѣсного Института. 1903 г. Спб. 226 стр., 3 карты, 3 рис.

Послѣ обычныхъ вступительныхъ замѣчаній и критическаго обзора литературы (стр. 3—10), авторъ (на стр. 11—24) сообщаетъ краткія свѣдѣнія о физико-географическихъ условіяхъ района своихъ изслѣдованій (Бѣлгородскаго, Корочанскаго и Ново-Оскольскаго уу.), а затѣмъ даетъ его ботанико-географическій очеркъ. Въ очеркѣ, представляющемъ главную часть работы и разбитомъ на 11 главъ (Водная растительность, Болота и торфяники, Ольшатники, Заливные луга, Лиственные лѣса, Сосновые лѣса, Растительность сыпучихъ песковъ, Степная растительность, Растительность мѣловыхъ обнаженій, Сорная растительность, Развитие растительности по временамъ года), содержится значительный и интересный фактический матеріалъ по разнообразнымъ растительнымъ формациямъ, сопровождаемый многочисленными общими замѣчаніями. Изъ болѣе интересныхъ фактовъ и заключеній, содержащихся въ очеркѣ, отмѣтимъ слѣдующее. Послѣ описанія болотъ и торфяниковъ района, авторъ группируетъ ихъ въ три типа: болота камышевыя, осоковыя и гипновыя моховыя. „Гипновыя моховыя болота, находящіяся близъ озеръ второй рѣчной террасы, отличаются отъ таковыхъ по балкамъ присутствіемъ болѣе сѣверныхъ, рѣдкихъ“ въ районѣ автора „видовъ, напр. *Eriophorum gracile*, *Menyanthes trifoliata*, *Carex limosa* . . . и друг.“ Приводятся наблюденія надъ заростаніемъ и высыханіемъ озеръ, для котораго дается слѣдующая схема: озеро переходитъ сначала въ камышевое, потомъ или въ осоковое, или въ гипновое болото, а послѣднія два могутъ образовать лугъ, который въ свою очередь можетъ перейти въ пески. Интересенъ случай находженія авторомъ въ балкѣ погребеннаго торфяника; надъ торфомъ образовалась почва, „весьма напоминающая черноземъ“ (чѣмъ однако она его напоминаетъ, въ работѣ не сообщается); на этой почвѣ въ настоящее время развитъ сухой лугъ Заливные луга, по мнѣнію автора, развился въ его районѣ, благодаря вліянію человѣка, изъ ольшатниковъ или болотно-ольшатниковаго типа растительности. Указывается и объясняется случай находженія *Caragana frutescens* въ тѣнистомъ мѣстѣ лѣса, среди такихъ

лѣсныхъ формъ, какъ *Pirola secunda*, *Paris quadrifolia* и друг. Описывается вторичное облѣсеніе степи или „по крайней мѣрѣ попытокъ къ нему лѣса“. „Первымъ идетъ въ степь всегда берестъ (*Ulmus campestris*), а не яблоня и груша, какъ это считаетъ Танфильевъ. Раскинутыя отдѣльные деревья яблоня и груша по пашнѣ или степному склону нельзя считать авангардомъ лѣса въ степи, напротивъ это служить яснымъ доказательствомъ, что раньше и не такъ давно здѣсь былъ лѣсъ, срубленный человѣкомъ“ (почему это ясно для автора, изъ его работы не видно). Въ главѣ о основныхъ лѣсахъ, кромѣ фактическаго описанія песчаныхъ и мѣловыхъ сосняковъ, мы находимъ, между прочимъ, замѣчанія относительно естественной и искусственной смѣны сосны листовыми породами и о прежнемъ характерѣ растительности боровъ района. Здѣсь же авторъ высказываетъ свое мнѣніе, весьма вѣроятное, что *Daphne altaica* въ районѣ его изслѣдованій и на р. Козинкѣ, въ Волчанскомъ у. Харьковской губ., появилась изъ культуры. Степная, песчаная и мѣловая формации, по автору, суть наиболѣе молодыя формации въ его районѣ, „по всей вѣроятности ровесники человѣку“ (знаетъ ли авторъ, насколько древнимъ можетъ оказаться существованіе человѣка въ его районѣ?). „Древнѣйшими формациями юго-восточной части Курской губерніи являются болотная формация и ольшатникъ, затѣмъ лѣсъ сосновый и листовенный, который до культуры человѣка, повидимому, сплошь покрывалъ всю область“. Фактическій матеріалъ излагается въ очеркѣ ввидѣ многочисленныхъ списковъ и отдѣльныхъ указаній по мѣстообитаніямъ, при этомъ упоминается и нѣкоторое количество мховъ.

Признавая цѣнность и интересъ реферлируемой работы, я позволю себѣ отмѣтить и нѣкоторые ея недостатки. Неоднократно общія заключенія въ ней являются, на мой взглядъ, слишкомъ мало обоснованными и выводы изслѣдователей, работавшихъ въ другихъ областяхъ, слишкомъ поспѣшно примѣняемыми къ объясненію наблюдавшихся авторомъ фактовъ. Такъ напр., относительно „степного“ вопроса авторъ приходитъ „къ выводу, котораго нынѣ придерживаются *многие* (?)!) ученые, именно, что въ доисторическое время лѣса проникали гораздо далѣе на югъ, что большинство губерній, лежащихъ недалеко отъ границы чернозема, какъ напр. Пензенская, Тамбовская и друг., а также и Курская, выдержали сплошное облѣсеніе“. Авторъ категорически утверждаетъ, что въ его районѣ „нигдѣ не наблюдается такихъ условій, при которыхъ лѣсъ не могъ бы расти“ . . . Можетъ быть это и справедливо, но странно читать въ работѣ такое утвержденіе, послѣ того какъ авторъ самъ указываетъ въ началѣ ея, что данныхъ о почвахъ района ни у него изъ его личныхъ наблюденій, ни въ литературѣ почти не имѣется. Можетъ ли онъ съ увѣренностью сказать, что въ его районѣ нѣтъ, напр., столбчатыхъ солончаковъ, почвы, которыя лишь недавно стали надлежащимъ образомъ различаться и которыя, какъ уже теперь есть основаніе предполагать, окажутся весьма распространенными въ степной части Европейской Россіи? И такъ ли легко допустить авторъ сплошное облѣсеніе своего района, если таковыя почвы въ немъ окажутся? Да и для черноземовъ никоимъ образомъ нельзя рѣшать этого вопроса, не входя въ разсмотрѣніе характера чернозема и не проанализировавъ, насколько возможно, отношенія древесной растительности къ этому чернозему и другимъ природнымъ условіямъ изслѣдуемой мѣстности. Наконецъ, если въ настоящее время въ искусственныхъ культурахъ лѣсъ растетъ на какомъ-нибудь черноземѣ, то это еще не значитъ, что онъ росъ на немъ раньше. Можно сослаться, напр., на то, что въ культурахъ, обыкновенно, предварительно земля распахивается или взрывается и первоначально растительнаго покрова уже не бываетъ. Если вспомнить, что въ первобытныхъ ковыльныхъ степяхъ въ области глубокаго чернозема долженъ былъ существовать густой дернъ ксерофитныхъ злаковъ, снабженныхъ мощной корневой

1) Курсивъ и вопросительный знакъ референта.

системой, то мы могли бы, становясь на теоретическую точку зрѣнія, предположить, что земля тогда на черноземахъ, покрытыхъ этой растительностью, была суше, чѣмъ на черноземахъ, обработанныхъ для культуръ, и не давала, благодаря своей сухости, возможности лѣсу побѣдить степь¹⁾. Всѣ эти вопросы въ реферируемой работѣ почти не затрогиваются, хотя вообще автора нельзя упрекнуть въ краткости въ его разсужденіяхъ по общимъ вопросамъ.

Другой недостатокъ, заслуживающій упоминанія, относится уже къ фактической части работы. Авторъ нѣрѣдко приводитъ „квалифицированные списки“ (съ обозначеніями *вос.*, *сор.*, *гт.* и друг.). Составленіе такихъ списковъ требуетъ внимательнаго изученія растительности наслѣдуемаго мѣстообитанія, никомъ образомъ ихъ нельзя составлять путемъ поверхностнаго обзора. Между тѣмъ, такимъ именно образомъ составлены, какъ мнѣ кажется, нѣкоторые квалифицированные списки автора. Иначе трудно понять, почему, напр., *квалифицированный* списокъ на стр. 59 для *отушки листовнаго лѣса* содержитъ всего 32 вида, въ томъ числѣ *ни одного злака* и въ качествѣ социальныхъ растений — *Coronilla varia*, *Origanum vulgare*, *Laserpitium prutenicum*. Лучше въ такихъ случаяхъ было бы ограничиться простыми неквалифицированными списками. Невѣрно, по моему мнѣнію, употребляетъ авторъ терминъ *вос.*; этотъ терминъ по самому смыслу своему долженъ примѣняться къ растеніямъ, не принимающимъ слишкомъ кратковременнаго участія въ составѣ растительнаго покрова и *образующимъ дернъ*, или (въ примѣненіи къ древеснымъ породамъ) *сложнутае насажденіе*, въ которое остальные растенія, какъ бы вкраплены. Такими, напр., мхи, сосна и ель въ *Pineta* и *Abiegna hylcomiosa*, злаки въ ковыльной степи. Но едва-ли примѣнимъ терминъ *вос.* къ такимъ растеніямъ, какъ напр. *Corydalis solida*.

Въ концѣ работы (стр. 161—224) помѣщенъ систематическій списокъ цвѣтковыхъ и сосудистыхъ тайнобрачныхъ растений района, содержащій 967 видовъ; изъ нихъ 823 наблюдались авторомъ лично. Къ работѣ приложены: 1) 10-верстная карта юго-восточной части Курской губ. съ нанесеніемъ маршрута автора и мѣловыхъ обнаженій и сосняковъ на пескѣ и мѣлу, 2) 3-верстная карта области сосновыхъ лѣсовъ юго-восточной части Курской губерніи съ нанесеніемъ важнѣйшихъ типовъ растительности, 3) карта распредѣленія степной и лѣсной растительности въ одной изъ балокъ, могущей служить типомъ многихъ другихъ, 4) схема развитія растительности по временамъ года, 5) два рисунка (съ фотографіей) мѣловыхъ обнаженій съ сосной. Б. Келлеръ (Казань).

Въ этомъ сочиненіи В. Н. Сукачевъ сообщаетъ результаты своихъ ботаническихъ изслѣдованій въ юго-восточной части Курской губерніи.

Авторъ описываетъ важнѣйшія растительныя формаціи данной мѣстности, причемъ главное вниманіе обращаетъ на растительность степей и мѣловыхъ склоновъ. Подробно разсматриваетъ авторъ вопросъ о нахожденіи здѣсь рѣдкаго эндемическаго растенія *Daphne altaica* Pall. (*Daphne Sophia* Kalenicz.). Опровергая гипотезы Литвинова и Голенкина, авторъ высказываетъ предположеніе о заносѣ сюда этого растенія.

Всѣ мѣста, гдѣ теперь это растеніе встрѣчается, были собственностью помѣщиковъ Бекарюковыхъ, выходцевъ съ востока, лицъ татарскаго происхожденія, издавна славившихся любовью къ садоводству. Кромѣ того, въ саду Бекарюковыхъ попадаетъ много разведенныхъ растений, не встрѣчающихся дико въ Курской губерніи. За заносъ этого растенія въ Европейскую Россію, быть можетъ, говорить и то обстоятельство, что жителямъ Бекарюковки (мѣстонахожденіе растенія), да и самому автору, совершенно неизвѣстны плоды этого растенія.

1) Ввидѣ борьбы изъ-за влаги и могла бы пониматься борьба между степными и лѣсными формаціями.